

АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР

ЧЕМ МЫ ОСТАНЕМСЯ...

* * *

Поле с белыми маками за глухими оврагами,
где окопы запаханы, а пехота оплакана,
где под талой водицею, под землицей дубелою,
под полёгшей пшеницею с костью чёрной да белую,
по январскому холоду, по удушью по летнему
эти буйные головы никогда не последние...

И стоят, не колышутся деревья по-над пашнями,
пенье тихое слышится над живыми и павшими,
над дорогой идущими, над с дороги сошедшими,
над в далёко зовущими, над до срока ушедшими...

Но под сладкой рябиною, под калиной горящею
ты лежишь, непалимая, светом горним горящая,
в свет небесный зовущая, хоть сама не нашедшая,
но куда-то ведущая как судьба сумасшедшая.

* * *

В белом романе, который Россией забыт,
Звёзды Тамани дрожали под мантру копыт.
Там, на Тамани, в чужую шинелку одет,

ИВАНТЕР Алексей Ильич родился в 1961 году в Москве. Учился в МГПИ им. В. И. Ленина. Работал в геологических экспедициях на Дальнем Востоке. Во второй половине 1980-х и первой половине 1990-х — директор издательства "Постскриптум". Дальнейшая судьба долгое время была связана с самолётостроением. Постоянный автор и член редколлегии журнала "Сибирские огни".

Красную бабушку поманит белейший мой дед.
Крупные звёзды Тамани в темрюкском вине.
Это не с нами, но память в тебе и во мне.
Вот и не больно, спокойно и глупо тепло.
На подоконник присядем, а губы светло.

* * *

Там, где берёзы стоят у колодца,
в полночь давно уже нет никого.
Он постоит, перекурит, напьётся
И мимо дома пройдёт моего

В стоптанных валенках, без портупеи,
между продавленных влажных колеи...
Павших за Истру бесплотные тени
ночью проходят деревней моей.

Птицы на крыше стучат в черепицу,
ветер манчжурку полощет в саду,
мёртвой пехоте сегодня не спится —
короток сон в сорок первом году.

* * *

Когда за ночным Ленинградом ночные плоды
упадут, и вишни над вишневым садом, как красные
звёзды, взойдут, спеша в суматохе одеться, льняной
зажигая фитиль, я вспомню советское детство,
тяжёлые косы Рахиль. А ветер бушует за Истрой,
и лупит прожектор в окно, и нет пионеров-горнистов
на Пулковском поле давно, и филин летает — над
садом, и ворон — над русской судьбой, но слышится
из Ленинграда знакомый “платок голубой”.
Мне только бы этот глоточек забытого всеу кино.
Про синенький скромный платочек я что-то не
слышал давно. Чарующий голос давнишний поёт
в сорок третьем году, и падают спелые вишни,
и буря бушует в саду, и крут фронтовой кипяточек,
и жизнь прибывает на треть, за синенький скромный
платочек я тоже готов умереть. Мой мир забвенен
и жарок, и полон водой дождевой — пока догорает
огарок, фатьяновский тот, фронтовой.

* * *

А в лугах за Орлом, а в лугах за Орлом
Голубая трава.
Не грусти о былом, не грусти о былом,
Подбирая слова.

Далеко за Москвой, далеко за Москвой
Колосятся овсы.
Бог пребудет с тобой, Бог пребудет с тобой,
Убежавший мой сын.

А в какие края, а в какие края
Мне — седому — убечь?
Тут и дочка моя, тут и мати моя:
Мати Русская Речь.

* * *

О чём бы родина ни пела,
Какой бы кривды ни плела,
Каким бы гудом ни гудела,
Какое поило б ни пила,

Каким бы брашном ни рыгала,
Каким заклятьем ни кляла —
Детей снегами укрывала
И мёртвых на руки брала.

* * *

Бродят ветра по пустому двору в Истре и в Старом
Осколе, дом мой стоит на холодном ветру между
войною и полем.

И забывает слова

голова — проще — не знать и не помнить тех, кто ушёл,
оперившись едва, из непротопленных комнат, встал
и растаял в осеннем дыму, выключил свет на пороге,
вброд миновал и войну, и тюрьму, где-то пропал по
дороге. Вон он поёт о любви и войне, детях, разлуке
и доме — в каждой семье на моей стороне с жёлтого
фото в альбоме.

* * *

Чем мы останемся, чем мы останемся,
Если с Землёю нежданно расстанемся —
Речью горячей, словечком резным,
Воздухом зрячим, бродячим, ржаным?
Слухом ли чистым, недреманным оком,
Спящим за Истрой свинцовым горохом,
Памятью долгой старух слободских
Наших грехов непонятно каких?
Пили мы много, а слушали мало,
Как напевала она и ковала,
Благословляла и тут же кляла,
Била под дых, на поруки брала.

* * *

Зреют смертельные травы в нашей глухой стороне,
где виноватый и правый в общем пылают огне,
кажется мне, подо мною дышит огонь нутряной;
русскою силой земною жив я на тверди земной.
Правдой последнею правы, долею вдовьей правы,
выросли русские травы выше моей головы.
Путавший лево и право, всей головою больной,
правдой небесною правый, близок я к силе земной.
К раменью и заручевью, к травам, листве и корням,
овцам, ночному кочевью, птицам, шмелям и коням...

* * *

А если Он неправ, и льнёт к земле земное, и
нету в небесах ни келий, ни кают, так отчего
тогда по небу сердце ноет, и люди на Земле
ночные слёзы льют? И если — Он неправ, и
зря душа алкала, так отчего горюч славянский
алфавит, и сложный русский сплав небесного
закала не стынет на ветру, как колокол гудит?

* * *

А если вправду подсчитать,
кому спасибо начертать,
кому спасибо начертать,
что жив и в силе —
спасибо, Ольга и Максим,
а больше всех, скажу за сим,
Анастасия.

Спасибо Юре и Петру
и медсестре, что поутру
иглу вонзила,
и целовала впопыхах,
и бабке той, что на руках
меня носила.

Спасибо лету и зиме,
спасибо лесу и суме,
тому вокзалу.
Спасибо дому и двору,
а медсестре, что поутру —
уже сказал я.

Спасибо всем, кто рядом был,
спасибо тем, кого забыл,
кто не был рядом,
кто целовал, кто бинтовал,
и кто руки не подавал,
кто брызгал ядом.

Спасибо вам, спасибо вам
за мёд и жало по губам,
что жив и в силе,
мои враги, мои друзья,
моя Москва, моя семья,
моя Россия.